

Андрон Кончаловский:

Комс. правда, - 1998. - 17 февр. - с. 5

Когда мы были с женщинами,

Никита стоял на атаке!

В издательстве «Совершенно секретно» выходит в свет книга Андрона Михалкова-Кончаловского «Низкие истины». Один фрагмент из мемуаров известного кинорежиссера сегодня мы предлагаем нашим читателям

Эпизоды из главы «Никита»

То, что у меня появился брат, я сначала вроде и не заметил. Во всяком случае момента его появления в доме не помню. Запомнилась молодая женщина, поселившаяся у нас, его нянька, Хуанита. Она давала Никите соски, воспитывала, учила говорить по-испански. Страшно тосковала по Испании, ночами плакала. Могу ее понять: из Сан-Себастьяна, где море, жарко и солнечно, оказаться в России с ее холодом, слякотью, грязью.

Никиту я воспринимал, как и все в жизни, сначала как данность, потом как бремя. Маленький ребенок все-таки (...). Как старший может проявить себя по отношению к нему? Дать пинка, обругать, утереть нос.

(...) Да, конечно, была братская любовь, но не стоит забывать и низкие истины. Со временем Никиту уже можно было посылать за водкой.

Когда я снимал свою первую курсовую работу, Никите было четырнадцать лет. Я сказал: «Хочешь, возьму тебя на съемку. Но съемка очень ранняя. В пять утра оператор уже будет ждать нас на месте». Нужно было снять кадр женщины, уходящей от камеры. Никита был счастлив, что я его возьму с собой. Он должен был меня разбудить, но проспал. Не услышал будильника.

Я проснулся утром - уже полшестого. Бегу к Никите, он сладко спит. Поднимаю его пинком ноги, матюгами:

- Сволочь! Что ж ты заснул!

Он - в слезы. Чувствует себя таким виноватым!

- Вставай! Поедешь со мной!

Берем шубу моей тогдашней жены, туфли на высоком каблуке - это реквизит. Нас же актриса ждет! Хватаем такси, загружаемся вместе с реквизитом, приезжаем к Никитским воротам - актрисы уже нет. Ушла, надоело ждать. Где ее искать? Едем к оператору, он дождается в арке на улице Грановского. Сидит один, с ним - камера - железный «Конвас».

- Ну вот, сволочь, мерзавец! - кричу Никите. - Будешь играть сейчас за актрису. Закатывай брюки!

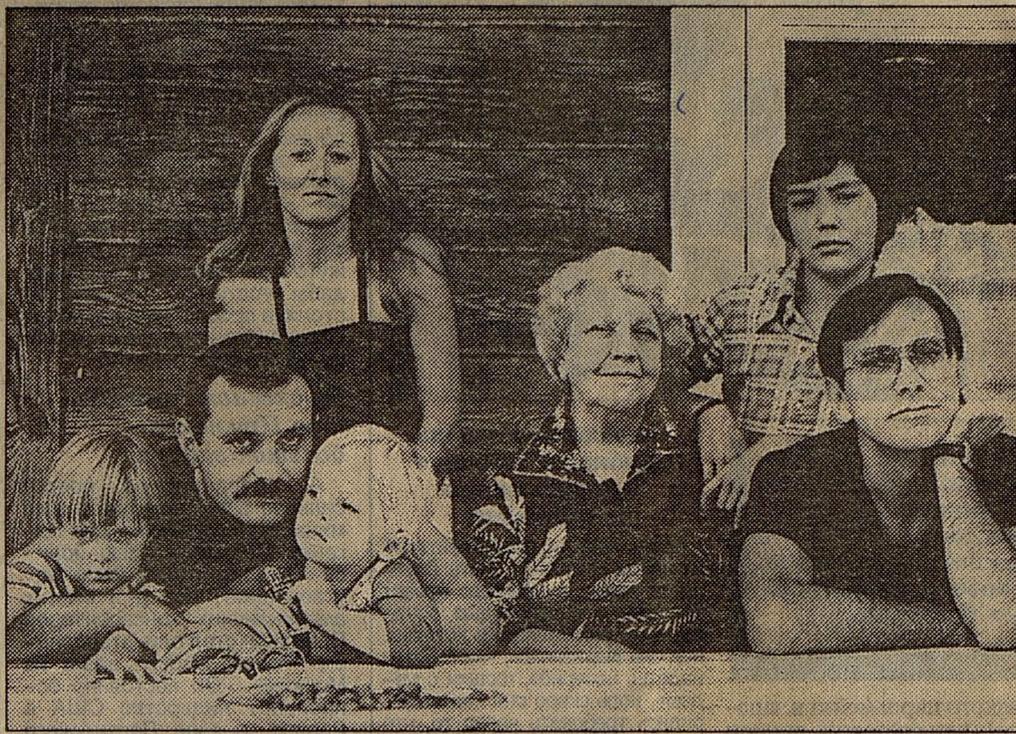
Он покорно закатал брюки, надел туфли, надел шубу, оператор лег на газетку, поставил камеру (у нас даже штатива не было), начали! Никита, мальчик еще, весь в слезах, в соплях, старается изо всех сил, ковыляет на высоких каблуках.

- Поженственной иди, - кричу я. - Вихляй задницей! Что ты идешь, как мальчишка!

(...) Потом была вторая моя картина - «Мальчик и голубь». Между этими фильмами были Тарковский, Шпаликов, Овчинников, Урбанский, сигареты, кончаловка - все сидения происходили у нас дома. То, почему у нас, понятно. Была отдельная квартира, у меня - своя отдельная комната, немислимая в те времена редкость! И вдобавок у мамы всегда можно было отпить водки, пока она спит (...).

Иногда мы допускали в свою компанию Никиту с Володей Граматиковым, позволяли себя развлечь - они танцевали для нас твист.

Грамматиковы жили в квартире напротив (...). Сегодня

Семья Михалковых в сборе.

этот Володя уже народный артист, автор фильмов, художественный руководитель (уж не знаю чего), в общем, фигура. А тогда он бегал для нас за сигаретами, таскал водку Тарковскому, стоял на атаке с Никитой, когда мы были с женщинами. Таким было его крещение в искусство.

В это время мои отношения с Никитой шли строго по вертикали, он смотрел на меня снизу вверх, я - сверху вниз с безобразным снисхождением.

- Ты мне нужен на съемку, - сказал я Никите, когда начинал «Мальчика и голубя».

два про него вспомнил. Квартира заперта, ключи у меня. Я вернулся, смотрю - в телефонной будке, на корточках, спит Никита. Стекла запотели, ушанка завязана на подбородке, на глазах замерзшие слезы. Он всегда был и есть человек исключительной преданности.

(...) Настоящее чувство вины у меня возникло, когда я уехал. Я ведь бросил всех. Причина, толкавшая меня на выезд, была сильнее меня. Мама меня полюбила. Отец был в ужасе, не хотел даже говорить. С Никитой мы простились, он меня не осуждал, но меня не оставляло

Он прилетел, мы вместе сидели на шоу у Ширли, от радости опьянели. У самых наших окон был бассейн, Никита захотел нырнуть с разбега - прямо из столовой. Разбежался и с лету взвезданулся в стекло. Окачивается, он не заметил, что оно там было. Фингал вскочил страшнейший. Советским коллегам пришлось врать, что ночью поскользнулся в темной ванной, ударился о кафель. Общение со мной по-прежнему надо было скрывать.

Недавно мы вспоминали эту историю.

- Если бы ты знал, как я возвращался! - сказал он.

Он ушел с банкета, сказал, что болит голова. Банкет давала Киноакадемия в честь советской делегации во главе с Кулиджановым. Никита вместо банкета полетел к нам. Когда в полдесятого утра подъехал на такси к гостинице, перед входом прогуливался Кулиджанов.

- Ты что, готов уже? - спросил Кулиджанов.

- Да, - невозмутимо ответил Никита, прикрывая рукой сияние под глазом и припоминая сквозь винные пары, что все его вещи раскиданы по номеру. А у отеля уже автобус, через пять минут отъезжать.

- А почему ты в вечернем костюме?

- Так мне ж сказали, что еще прием в консульстве будет.

Он пошел наверх, все с себя скинул, надел джинсы, кучей свалил в чемодан вещи, так и полетел.

(...) Наверное, мой отъезд в чем-то сыграл и положительную роль. Никита остался один. В его картинах прослеживается определенная полемика со мной - и в «Неоконченной пьесе для механического пианино», и в «Обломове», и в «Пяти вечерах», думаю, что и «Утомленные солнцем» - это полемика с «Ближним кругом», хотя бы по своей тематике. Он снимал Гурченко тогда же, когда они вместе снимались у меня в «Сибириаде», но и в этом образе, в чем-то даже похожем на Тайку Соломину, был внутренний спор со мной. Он делал все по-своему. И то, что он ушел в армию и отслужил там на всю катушку, - для

меня удивительно. Можно было отмазаться, папа Михалков мог бы кое-что сделать, хотя бы устроить сына в другие войска, а не на Камчатку, не на атомный подводный флот, - скажем, в конный полк «Мосфильма» или в Театр Советской Армии.

(...) Иногда я вижу повторяющийся сон. Вижу себя на съемках Никитиной картины. Удивительная, исключительно красивая декорация. Какие-то бесконечно красивые костюмы. И какие-то исключительно хорошие отношения. Все вокруг так хорошо, что с завистью думаю: «Как у него все здорово! Как красиво! Как замечательно поставлен свет! И как все вокруг ему преданы! Опять у него на картинке все лучше, чем у меня!». Я просыпаюсь с нехорошим чувством: «Почему так?».

(...) Я завидую (это, конечно, не черная, а белая зависть) не картинам, им снятым, а атмосфере, которую он вокруг себя создавал, его коллективу, его способности объединять вокруг себя людей.

Долгое время мне с ним было не о чем советоваться - я был уверен, что все знаю лучше него. После «Неоконченной пьесы для механического пианино» и в особенности после «Урги» я наконец признал, что вырос крупный мастер.

...Мы сидим с Никитой у меня дома, на кухне, в мой день рождения, 20 августа 1991 года. Я только что сделал перезапись «Ближнего круга», меня ждут с музыкой в Лондоне, нужно заканчивать фильм. Никита, возбужденный, забежал всего на двадцать минут, у него в машине противогаз и автомат - он приехал из «Белого дома» и сейчас же вернется в «Белый дом» - защищать демократию. - Куда ты лезешь? - говорю я. - Что тебе там надо? Ты кино снимай.

- Нет, нет, - отвечает он. - Надо.

В его глазах светится решимость. Он сделал свой выбор (...).

На мой взгляд, идти в «Белый дом» было бессмыслицей, чистым безумием. Мы обнялись, перекрестили друг друга. Он уехал.

На следующий день я улетел в Лондон. На прощание телевидение взяло у меня интервью в аэропорту, которое безобразно обкромсало, пустило в эфир лишь слова о том, что я уезжаю, потому что боюсь. Действительно боялся. За жену, за новорожденную дочь, за судьбу неоконченной картины. Страх - самое нормальное, естественное чувство.

Политика стала Никиту затягивать. Руцкой, Черномирдин, Ельцин... Сейчас у меня ощущение, что я - младший брат, а он - старший. Оказалось, положение младшего брата гораздо удобнее. Чувствуешь себя моложе, знаешь, за кем следовать, у кого попросить помощи (...).

(...) Если бы не он, я бы не вернулся. Я благодарен ему за его любовь к России. Она передается и мне. Он, конечно, национальный человек, олицетворение национального героя. У него есть идеалы, есть непоколебимость веры, даже я бы сказал, слепота, дающая ему силы. Слепота подчас становится большим источником силы, чем способность к зрению (...).

- Ну вот, сволочь, мерзавец! - кричу Никите. - Будешь играть сейчас за актрису. Закатывай брюки!